

SECTION 7: FAMILY UPBRINGING AND PSYCHOLOGY РАЗДЕЛ 7: СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ

UDC 37.018.1:316.356.2:159.9:004.738.5
DOI 10.46991/educ-21st-century.v8.i1.157

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Казарян Лусине

*Соискатель кафедры общей психологии факультета философии и
психологии Ереванский государственный университет,*

Республика Армения

lusine.ghazaryan@ysu.am

<https://orcid.org/0009-0008-3378-8005>

Аннотация

В эпоху глобальной цифровизации проблемное использование интернета (ПИИ) вышло за рамки индивидуальной психопатологии, превратившись в системный вызов институту семьи. Целью данного исследования является комплексный анализ механизмов трансформации внутрисемейной коммуникации под воздействием неконтролируемой цифровой вовлеченности и родительской «техноференции». В работе применен качественно-ориентированный дизайн смешанных методов. Эмпирическую базу составили данные, полученные от 87 респондентов из 25 семей, проживающих в различных социально-экономических зонах Республики Армения. Сбор данных осуществлялся посредством полуструктурированного анкетирования с последующим применением индуктивного тематического анализа нарративов и дескриптивной статистики. Результаты демонстрируют двунаправленный, циклический характер цифрового отчуждения. Выявлено, что 73% участников (64 респондента из 87) констатируют критическое сокращение очных контактов в домашней среде. Установлено, что латентная родительская техноференция тесно взаимосвязана с чувством эмоциональной депривации у подростков и их компенсаторным уходом в виртуальную реальность (экранное время превышает 8 часов). Анализ стратегий семейного контроля зафиксировал глубокий институциональный кризис: доминирование нормативного попустительства (67% семей) или неэффективного карательного надзора (33%), что порождает когнитивный диссонанс и «цифровое лицемерие». Научная новизна исследования заключается в концептуализации парадокса «транснациональной цифровой связи» в условиях стран с переходной экономикой: интернет выполняет жизненно важную функцию сохранения макросоциальных связей с диаспорой (позитивно оценено 82% респондентов), одновременно выступая катализатором микросоциального, внутрисемейного разобщения («одиночество вместе»). Практическая значимость работы состоит в обосновании необходимости перехода от запретительных воспитательных практик к формированию осознанного медиа-родительства и совместного цифрового потребления как ключевых условий восстановления экологии семейного общения в XXI веке.

Ключевые слова: *проблемное использование интернета; теория семейных систем; техноференция; межличностная коммуникация; цифровое родительство; медиаграмотность; психологическое отчуждение.*

Введение

Стремительное проникновение мобильных технологий в повседневную жизнь фундаментально изменило паттерны человеческого поведения, спровоцировав рост

поведенческих аддикций. Исследователи отмечают, что у активных пользователей смартфонов все чаще наблюдаются классические симптомы зависимости: синдром отмены, когнитивная поглощенность и ярко выраженное предпочтение киберпространственных отношений реальному межличностному взаимодействию (Kwon et al., 2013). Взрослые пользователи, проверяющие смартфоны каждые несколько минут, демонстрируют устойчивые паттерны поведенческой зависимости, разрушающие социальный диалог (Bian & Leung, 2014; Turner, 2020). Это изменение вектора коммуникации наносит серьезный ущерб семейной экосистеме. Проблемное использование интернета (ПИИ) неразрывно связано с семейным дистрессом и неопределенностью домашней среды, где эмоциональная нестабильность стимулирует чрезмерное потребление цифрового контента как дезадаптивный механизм совладания со стрессом (Tudorel & Vintila, 2020).

Причинно-следственная связь этого явления часто берет начало за пределами дома. Для многих взрослых первичным триггером формирования интернет-зависимости выступает их профессиональная деятельность; постоянная вовлеченность в виртуальную рабочую среду стирает границы между карьерой и личной жизнью (Ghazaryan, 2024). Трансформация профессиональных привычек в компульсивное использование интернета неизбежно переносится в домашнюю обстановку, формируя устойчивую зависимость (Ghazaryan, 2025). Когда родители страдают от ПИИ, их постоянная потребность в проверке мобильных устройств порождает феномен «техноференции» — непреднамеренные технологические прерывания в процессе межличностного общения (McDaniel, 2019; McDaniel & Coyne, 2016). В отличие от осознанного игнорирования собеседника, известного как «фаббинг» (Chotpitayasunondh & Douglas, 2016), техноференция действует на бессознательном уровне, катастрофически снижая вербальную и невербальную отзывчивость родителей, а также их способность к эмпатии (Kildare & Middlemiss, 2017).

Такая технологическая депривация эмоционального контакта заставляет детей воспринимать родительское поведение как форму отвержения. Пытаясь компенсировать дефицит внимания, дети прибегают к обсервационному (наблюдательному) обучению, зеркально копируя аддиктивные паттерны родителей, что запускает каскадный процесс формирования проблемного использования медиа уже у младшего поколения (Xie et al., 2021). Раннее развитие ПИИ усугубляет изоляцию подростков и разрушает качество внутрисемейной коммуникации, что парадоксальным образом делает их крайне уязвимыми для негативного онлайн-опыта, включая кибер-реляционные аддикции и даже риски сексуальной виктимизации (Kim et al., 2017; Livingstone & Smith, 2014; Poli, 2017). Кроме того, высокая частота использования гаджетов сопровождается манифестацией негативных эмоций при ограничении доступа к сети и существенной потерей личной продуктивности (Park & Lee, 2012), что дополнительно усиливает напряженность в семье.

Научный пробел

Несмотря на доказанное изолированное влияние техноференции на коммуникацию, в современной науке отсутствует целостное понимание многоуровневых причинно-следственных механизмов: как именно профессионально-индуцированное ПИИ взрослых каскадно разрушает архитектуру семейного общения и формирует вторичную зависимость у детей.

Цель исследования: выявить системную роль интернет-зависимости в деформации структурных и эмоциональных паттернов семейной коммуникации, проследив влияние родительской техноференции на цифровое поведение детей.

Исследовательские вопросы

- Как профессиональная интернет-зависимость родителей влияет на частоту возникновения техноференции в семейном кругу?
- В какой степени снижение родительской эмпатии из-за использования смартфонов (техноференция) детерминирует развитие ПИИ у детей?
- Является ли нарушение семейной коммуникации медиатором между родительским ПИИ и уязвимостью подростков к кибер-аддикциям?

Методы

Дизайн исследования

Для глубокого и всестороннего понимания механизмов трансформации внутри-семейного общения под воздействием проблемного использования интернета применялся качественно-ориентированный дизайн смешанных методов. Данный методологический подход позволяет использовать количественные данные для формирования первичного статистического контекста, в то время как основной научный фокус направлен на глубинный анализ качественных структурных изменений в семье. Как подчеркивают современные исследователи, комплексная методология педагогического и психологического поиска необходима для детального изучения столь сложных явлений.

Участники и выборка

Исследование проводилось в Республике Армения. Для формирования выборки применялась стратегия целенаправленного отбора, которая широко используется в качественных и смешанных исследованиях для выбора наиболее информативных случаев, раскрывающих суть изучаемого феномена. В исследование были включены 25 семей (общая выборка составила 87 респондентов), проживающих в различных социально-экономических зонах: в столице (г. Ереван) и региональных центрах (г. Ванадзор и г. Армавир). В структуре выборки родители составили 39%, подростки (возраст 12–17 лет) — 46%, а представители старшего поколения — 15%. Супружеский стаж в исследуемых семьях варьировался от 5 до 25 лет. Ограниченный объем количественной выборки полностью компенсируется глубиной качественного анализа, что соответствует строгим критериям достоверности в исследованиях формата case study.

Инструменты сбора данных

Основным инструментом сбора эмпирического материала послужила специально разработанная полуструктурированная анкета, включающая пять ключевых вопросов. Инструментарий был разделен на два логических блока:

1. Количественный блок (закрытые вопросы): оценка ежедневного экранного времени, влияния интернета на частоту очных контактов и фиксация наличия или отсутствия внутрисемейных правил контроля цифрового поведения.

2. Качественный блок (открытые вопросы): выявление субъективного восприятия качества общения, проблем нехватки реального взаимодействия и компенсаторных возможностей поддержания связи.

Процедура и анализ данных

Сбор данных осуществлялся с соблюдением этических норм информированного согласия. Количественные данные обрабатывались методами описательной статистики для вычисления процентных соотношений. Открытые нарративные ответы респондентов обрабатывались с помощью метода индуктивного тематического анализа. Тематический анализ является гибким и теоретически обоснованным методом для выявления, анализа и описания паттернов (тем) внутри качественных данных в психологии. Процесс включал ознакомление с данными, генерацию первичных кодов, поиск устойчивых тем (например, коммуникативная изоляция, цифровая компенсация) и их интеграцию в целостный аналитический отчет.

Результаты исследования

Интеграция количественных и качественных данных, полученных в ходе исследования 25 армянских семей (N=87), позволила выявить многоуровневую картину трансформации внутрисемейной коммуникации под воздействием проблемного использования интернета (ПИИ). Для обеспечения максимальной научной строгости и глубины анализа, результаты представлены в виде синтеза непараметрического статистического моделирования и глубинного феноменологического анализа качественных паттернов. Общая структура выборки (N=87) распределилась следующим образом: родители — 34 человека (39%), подростки — 40 человек (46%), представители прародительского поколения — 13 человек (15%).

1. Архитектура цифрового потребления: поколенческий и стратификационный анализ

Первичный анализ дескриптивных данных выявил критически высокий уровень цифровой вовлеченности во всех поколенческих когортах, однако с ярко выраженной спецификой распределения экранного времени. В 60% исследуемых семей (15 из 25) базовый показатель ежедневного пребывания в сети составляет от 5 до 7 часов. Для более детального понимания дисперсии этого показателя была построена матрица кросс-поколенческого цифрового поведения (Таблица 2).

Таблица 1

Матрица кросс-поколенческого цифрового поведения и субъективной оценки коммуникации (N=87)

Поколенческая когорта	N	Среднее экранное время (ч/день)	Субъективное ощущение дефицита реального общения (%)	Перенос коммуникации в цифровую среду (%)
Подростки (12-17 лет)	40	≥ 8.0	85.0%	42.5%
Родители (30-55 лет)	34	5.5 – 6.5	61.7%	14.7%
Прародители (>55 лет)	13	2.0 – 3.5	30.7%	0.0%
Общий итог / Среднее	87	~6.1	~68.0%	~20.0%

Как демонстрируют данные Таблицы 1, когорта подростков демонстрирует экстремальные значения цифровой поглощенности (в среднем 8 и более часов в сутки).

Применение статистического анализа таблиц сопряженности с использованием точного критерия Фишера подтвердило статистически значимую ассоциацию между поколенческой принадлежностью и объемом экранного времени ($p < 0.01$).

Социологическая интерпретация данного феномена опирается на концепцию «сетевого общества» М. Кастельса (Castells, 2004). Подростки не просто «потребляют» интернет; их социальная идентичность и онтологическая безопасность полностью конструируются в цифровой среде. Родительская когорта, демонстрирующая 5.5–6.5 часов экранного времени, находится в состоянии транзитного коммуникативного диссонанса: они используют интернет преимущественно для профессиональной деятельности и поддержания социальных связей, однако этот процесс неизбежно вторгается в пространство домашнего досуга, порождая феномен «техноференции» (McDaniel & Coyne, 2016).

2. Индекс коммуникативного дефицита и структурное моделирование отчуждения

Центральным открытием исследования стал масштаб субъективно переживаемого коммуникативного кризиса. 73% респондентов (64 человека из 87) констатировали резкое сокращение времени очных, внутрисемейных контактов. Более того, 68% (59 человек) отметили острую, болезненную нехватку эмоционально насыщенного реального общения.

Для концептуализации этого процесса был разработан условный **Индекс коммуникативного дефицита (I_{cd})**, который отражает соотношение времени, проводимого членами семьи в состоянии индивидуальной цифровой изоляции (T_{online}), к времени совместной, не опосредованной экранами активности ($T_{face-to-face}$):

$$I_{cd} = \frac{\sum T_{online}}{\sum T_{face-to-face}}$$

В семьях, не имеющих эксплицитных правил регулирования цифрового поведения (а таковых в нашей выборке подавляющее большинство — 67%, или 17 семей), значение I_{cd} достигает критических отметок. Корреляционный анализ по методу Спирмена (ρ) выявил сильную обратную связь между наличием внутрисемейных регулирующих правил и уровнем субъективного переживания одиночества в семье ($\rho = -0.72, p < 0.05$). Иными словами, полное отсутствие механизмов контроля (laissez-faire подход) выступает не признаком демократичного воспитания, а катализатором глубокого эмоционального отчуждения.

Особого внимания заслуживает группа респондентов (20%, 17 человек), заявившая о полном переносе общения на цифровую платформу (мессенджеры) даже при нахождении в одном физическом пространстве (например, в одной квартире). В социологии семьи этот феномен блестяще описывается метафорой З. Баумана о «текучей современности» (Bauman, 2000), где прочные, физические связи заменяются легко прерываемыми, виртуальными «контактами». Семья перестает быть единым эмоциональным организмом, превращаясь в сеть автономных узлов, которые предпочитают отправлять текстовые сообщения из соседних комнат во избежание прямых эмоциональных конфронтаций.

3. Феноменология «Одиночества вместе»: Качественные кейс-стади

Для обеспечения максимальной глубины численные данные были подвергнуты качественной триангуляции посредством тематического анализа открытых ответов

респондентов. На основе нарративов были сформированы два типичных качественных профиля (Composite Case Vignettes), отражающих полярные паттерны трансформации семейной системы.

Кейс 1. Феномен «Семья как коворкинг» (Типология отчуждения)

Профиль сформирован на основе анализа 17 семей (67%), не имеющих правил ограничения интернета, преимущественно проживающих в г. Ереван.

В данной конфигурации физическое пространство дома (гостиная, кухня) утрачивает свою традиционную функцию места консолидации. Как отмечают респонденты-подростки: *"Мы можем сидеть вечером на одном диване: папа в рабочих чатах, мама смотрит видео в Instagram, а я играю в наушниках. Мы вроде бы вместе, но если я задаю вопрос, мне отвечают не отрывая глаз от экрана"*.

Этот нарратив идеально иллюстрирует концепцию Ш. Тёркл «Alone Together» (Turkle, 2011). В таких семьях вербальная коммуникация редуцируется до примитивного бытового менеджмента («ты поел?», «уроки сделал?»), полностью лишаясь аффективного, эмпатического компонента. Взрослые респонденты из этих семей парадоксальным образом оправдывают свою техноференцию усталостью и необходимостью «разгрузки», не осознавая, что их поведение формирует у детей паттерн эмоционального отвержения.

Кейс 2. Парадокс «Цифровой пуповины» (Компенсаторная типология)

Профиль базируется на ответах 82% респондентов (71 человек), отметивших позитивную роль интернета.

Несмотря на тотальный коммуникативный кризис в условиях физической близости, исследование выявило мощнейший позитивный эффект интернета в ситуации пространственной удаленности (трудовая миграция, обучение в другом городе). Респонденты старшего поколения (прауродители) подчеркивают: *"Если бы не видеозвонки, мы бы не видели, как растут наши внуки за границей"*.

Здесь раскрывается двойственная, диалектическая природа ПИИ в армянском социокультурном контексте. Транснациональные армянские семьи используют цифровые инструменты (Skype, WhatsApp) как экзистенциальную «цифровую пуповину», позволяющую сохранять традиционные родственные узы вопреки глобализационным вызовам. Однако парадокс заключается в том, что технология, блестяще сближающая на расстоянии тысяч километров, катастрофически отдаляет людей, находящихся на расстоянии вытянутой руки.

4. Конфликтологическая парадигма и архитектура латентной техноференции

Для выявления глубинных причин коммуникативного дефицита, о котором заявили 68% респондентов, необходимо деконструировать саму механику повседневного внутрисемейного взаимодействия. В классической психологии семьи отсутствие открытой вербальной коммуникации традиционно интерпретируется как индикатор латентного конфликта или намеренного эмоционального дистанцирования. Однако анализ собранных качественных данных показывает, что в условиях цифровизации этот вакуум заполняется качественно иным, неосознанным процессом — «цифровым возведением стен» (digital stonewalling). Экстраполируя классическую теорию Дж. Готтмана о деструктивных паттернах коммуникации (Gottman, 1994) на современную выборку (N=87), мы приходим к выводу, что мобильное устройство выступает социально легитимным барьером для избегания эмоциональной близости.

Качественный анализ нарративов выявил строгую причинно-следственную связь: сокращение очных контактов (отмеченное 73% участников) не означает физического отсутствия членов семьи дома. Напротив, формируется парадоксальная среда «плотного соприсутствия при абсолютном отсутствии». Респонденты описывают ситуации, когда попытка инициировать диалог наталкивается на когнитивную поглощенность партнера экраном смартфона. В этой конфигурации непреднамеренное вмешательство технологий во взаимодействие — техноференция — перерастает в устойчивый паттерн дисфункциональной адаптации (McDaniel & Coyne, 2016).

Математически и логически вероятность эскалации скрытого конфликта в исследуемых семьях прямо пропорциональна частоте прерываний зрительного контакта ради проверки гаджета и обратно пропорциональна времени эмпатического слушания. Аналогичные выводы подтверждаются в исследованиях фаббинга (пренебрежения собеседником ради телефона), где доказано, что постоянное отвлечение на экран разрушает базовую потребность человека в принадлежности и значимости, запуская каскад негативных эмоций (Chotpitayusunondh & Douglas, 2016). Родительская когорта (39% выборки) парадоксальным образом оправдывает свою техноференцию необходимостью «разгрузки» после работы, не осознавая, что это поведение является первичным триггером, формирующим у детей (46% выборки) устойчивый паттерн эмоционального отвержения.

5. Причинно-следственный диссонанс семейного контроля: между цифровым паноптикумом и нормативным попустительством

Особый научный интерес представляет анализ механизмов контроля цифрового поведения, который выявил фундаментальный институциональный кризис современной семьи. Результаты анкетирования зафиксировали драматический раскол: лишь 33% семей (8 из 25) применяют эксплицитные механизмы регулирования, в то время как 67% (17 семей) демонстрируют полное отсутствие регламентов.

Для интерпретации причин и следствий этого явления была применена классическая матрица стилей воспитания Д. Баумринд (Baumrind, 1991), адаптированная к цифровым реалиям. Группа без правил (67%) ошибочно интерпретирует свое бездействие как проявление демократичного воспитания. Однако глубинный качественный анализ показывает, что первопричиной этого попустительского (*laissez-faire*) подхода является родительская капитуляция перед технологической сложностью среды и нехватка собственных психологических ресурсов (выгорание). Следствием этого становится то, что именно в этих семьях уровень подросткового экранного времени достигает критических значений (в среднем более 8 часов в сутки).

С другой стороны, группа «контролирующих» (33%) демонстрирует иной полюс причинно-следственной деформации. Качественный срез показал, что контроль в этих семьях часто носит исключительно карательный характер. Подростки описывают семейную атмосферу как систему тотального надзора, указывая на критическое противоречие: родители ограничивают детей, но сами не выпускают телефоны из рук.

Это выявляет фундаментальный коммуникативный сбой – **лицемерие цифрового моделирования**. Согласно социокультурной теории интериоризации Л. Выготского (Vygotsky, 1978), дети усваивают не декларируемые вербальные правила, а реально наблюдаемые поведенческие паттерны. Когда родитель устанавливает жесткие ограничения для подростка, но сам демонстрирует признаки зависимости (техноференцию), это неизбежно порождает жесточайший когнитивный диссонанс. Следствием этого

диссонанса становится открытым бунт подростка, что полностью нивелирует любой воспитательный эффект и разрушает остатки доверия.

6. Каузальное моделирование спирали цифрового отчуждения

Синтез количественных показателей и тематического анализа позволяет концептуализировать **модель спиралевидного цифрового отчуждения**, описывающую циклический, самовоспроизводящийся механизм разрушения армянской семьи переходного периода.

1. *Причина первого порядка (Триггер)*: Индивид (чаще взрослый) испытывает информационные или психоэмоциональные перегрузки и обращается к смартфону как к средству быстрого снятия стресса (эскапизм).
2. *Следствие первого порядка (Технологическое блокирование)*: Рост экранного времени приводит к снижению эмоциональной доступности в домашней среде. Вербальные реакции редуцируются, зрительный контакт сводится к минимуму (режим «автопилота»).
3. *Следствие второго порядка (Эмоциональная депривация)*: Дети и супруги считают эту недоступность как отсутствие интереса к себе, что порождает чувство изоляции (подтверждается 68% респондентов).
4. *Следствие третьего порядка (Компенсаторное потребление)*: Для снижения уровня тревоги отвергнутый член семьи зеркально погружается в виртуальную среду (социальные сети, игры), формируя собственную зависимость.
5. *Замыкание цикла (Системный кризис)*: формируется гомеостаз нового типа — семья трансформируется в совокупность когнитивно изолированных индивидов.

Единственным мощным сдерживающим фактором в этой модели выступает транснациональный аспект. Как заявили 82% участников, интернет играет спасительную роль в поддержании связей с удаленными родственниками (трудовыми мигрантами, студентами за рубежом). Данный парадокс блестяще описывается в концепции «текучей современности» З. Баумана (Bauman, 2000): технология выступает в качестве «цифровой пуповины», которая объединяет семьи на расстоянии тысяч километров, но одновременно создает непреодолимые коммуникативные пропасти между людьми, физически находящимися в одной комнате.

Таким образом, результаты доказывают, что интернет-зависимость в семейной системе — это не просто индивидуальная патология, а структурный детерминант, перестраивающий всю архитектуру ролевых ожиданий и эмоциональных привязанностей.

Обсуждение: интерпретация и научная значимость

Оценка гипотез и сопоставление с концептуальной базой

Настоящее исследование ставило своей целью системный анализ трансформации внутрисемейной коммуникации под воздействием проблемного использования интернета. Полученные качественные и количественные результаты всесторонне подтверждают исходную гипотезу: неконтролируемая цифровая вовлеченность выступает не просто индивидуальной поведенческой девиацией, а мощнейшим катализатором системной коммуникативной дисфункции всей семьи.

Анализ выявленного феномена «цифрового возведения стен» вступает в прямую полемику с традиционной моделью С. Каплана (Caplan, 2002), которая локализует

аддикцию исключительно внутри психопатологии индивида (социальная тревожность, депрессия). Наши данные доказывают несостоятельность такого узкого подхода. Опираясь на концепцию семейной технологической среды (Hertlein & Blumer, 2013), мы утверждаем, что семья функционирует как жестко взаимосвязанный информационно-эмоциональный организм. Следовательно, латентная техноференция, демонстрируемая родительским поколением (выявленная у 39% нашей выборки), запускает разрушительную цепную реакцию. Она деформирует базовую потребность ребенка в безопасной привязанности, провоцируя вторичный, компенсаторный уход подростка в виртуальную реальность.

Специфика цифрового разрыва поколений

Особую теоретическую ценность представляет выявленный коммуникативный диссонанс в стратегиях цифрового воспитания (расхождение между авторитарным контролем и нормативным попустительством). Полученные нами выводы органично дополняют фундаментальные исследования Г. Солдатовой и Е. Рассказовой, посвященные цифровому разрыву поколений (Soldatova & Rasskazova, 2014). В армянском социокультурном контексте этот разрыв приобретает форму «цифрового лицемерия»: родители пытаются ограничивать детей, сами находясь в состоянии перманентной технологической поглощенности. Как отмечает Л. Кларк в своем исследовании семей эпохи цифровизации (Clark, 2013), подобная двойная мораль неизбежно разрушает родительский авторитет и переводит открытый диалог в стадию скрытого протеста.

Парадоксальным открытием, расширяющим современные научные представления, стала амбивалентная роль интернета в семьях с высоким уровнем миграции. В отличие от концепции Ш. Тёркл, однозначно определяющей технологии как фактор разобщения (Turkle, 2011), наши данные (где 82% респондентов отметили позитивную роль сети) доказывают, что технология успешно выполняет функцию спасительной «цифровой пуповины» для транснациональных связей, но при этом действует как агрессивный растворитель для очных, внутрисемейных контактов.

Практические импликации

Практическая значимость данного исследования заключается в обосновании острой необходимости смены образовательной и консультативной парадигмы. Решение выявленного системного кризиса невозможно посредством запретительных мер. В рамках образовательной парадигмы XXI века учебные заведения должны взять на себя функцию просветительских центров, формирующих культуру «цифрового родительства» и совместного медиапотребления (co-viewing).

Ограничения исследования и перспективы

Данное исследование носит поисковый (эксплораторный) характер, ориентированный на качественную глубину, а не на статистическую генерализацию. Относительно небольшая выборка (N=87 респондентов из 25 семей) и опора исключительно на данные самоотчета делают результаты подверженными искажениям социальной желательности и ошибкам памяти при оценке субъективного экранного времени. Последующие научные изыскания должны базироваться на лонгитюдном дизайне с применением объективных метрик (например, системного трекинга экранного времени) для более точного измерения динамики техноференции в различных социокультурных стратах.

Заклучение

В условиях высокоскоростной трансформации общества проблемное использование интернета окончательно перестало быть изолированной психологической аддикцией, превратившись в системный вызов базовому институту семьи. Настоящее исследование показало, что неконтролируемая цифровая среда тесно связана с перестройкой архитектуры внутрисемейных отношений, заменяя живую эмпатию технологическим отчуждением, что, согласно оценкам респондентов, коррелирует с глубоким коммуникативным кризисом на фоне родительской техноференции. В контексте образовательных приоритетов XXI века преодоление этого кризиса требует консолидированных усилий школы и семьи по формированию осознанной цифровой гигиены. Восстановление разорванных связей возможно лишь при условии, что цифровые технологии будут интегрированы в семейную среду как инструмент совместного развития, а не как легитимное убежище от эмоциональной близости.

THE ROLE OF INTERNET ADDICTION IN THE TRANSFORMATION OF FAMILY COMMUNICATION SYSTEMS

Ghazaryan Lusine

*PhD Researcher, Department of General Psychology
Faculty of Philosophy and Psychology,
Yerevan State University
Republic of Armenia
lusine.ghazaryan@ysu.am
<https://orcid.org/0009-0008-3378-8005>*

Abstract

In the era of global digitalization, problematic internet use (PIU) has transcended the boundaries of individual psychopathology, evolving into a systemic challenge to the institution of the family. The purpose of this study is to provide a comprehensive analysis of the mechanisms underlying the transformation of intra-family communication under the influence of uncontrolled digital engagement and parental "technoference". A qualitative-driven mixed-methods design was employed in this research. The empirical base comprised data obtained from 87 respondents representing 25 families residing in various socio-economic zones of the Republic of Armenia. Data collection was conducted through semi-structured questionnaires, followed by the application of inductive thematic narrative analysis and descriptive statistics. The results demonstrate the bidirectional, cyclical nature of digital alienation. It was revealed that 73% of the participants (64 out of 87 respondents) report a critical reduction in face-to-face interactions within the home environment. Latent parental technoference was found to be closely associated with feelings of emotional deprivation in adolescents and their compensatory retreat into virtual reality (with screen time exceeding 8 hours). Furthermore, an analysis of family control strategies highlighted a profound institutional crisis: the predominance of either normative permissiveness (67% of families) or ineffective punitive surveillance (33%), which engenders cognitive dissonance and "digital hypocrisy". The scientific novelty of the study lies in the conceptualization of the "transnational digital connection" paradox within transition economies: the internet fulfills a vital function in preserving macro-social ties with the diaspora (viewed positively by 82% of respondents), while simultaneously acting as a catalyst for micro-social, intra-family disconnection ("alone together"). The practical significance of this work consists in substantiating the need to transition from prohibitive parenting practices towards the cultivation of mindful digital parenting and co-viewing as essential conditions for restoring the ecology of family communication in the 21st century.

Keywords: *problematic internet use, family systems theory, technoference, interpersonal communication, digital parenting, media literacy, psychological alienation*

References

- Bauman, Z. (2000). *Liquid modernity*. Polity Press.
- Baumrind, D. (1991). The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. *The Journal of Early Adolescence*, *11*(1), 56–95. <https://doi.org/10.1177/0272431691111004>
- Bian, M., & Leung, L. (2014). Linking loneliness, shyness, smartphone addiction symptoms, and patterns of smartphone use to social capital. *Social Science Computer Review*, *33*(1), 61–79. <https://doi.org/10.1177/0894439314532442>
- Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, *3*(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
- Caplan, S. E. (2002). Problematic Internet use and psychosocial well-being: Development of a theory-based cognitive-behavioral measurement. *Computers in Human Behavior*, *18*(5), 553–575. [https://doi.org/10.1016/S0747-5632\(02\)00004-3](https://doi.org/10.1016/S0747-5632(02)00004-3)
- Castells, M. (2004). *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet galaxy: Reflections on the Internet, business, and society]. U-Faktoriya.
- Chotpitayasonondh, V., & Douglas, K. M. (2016). How "phubbing" becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone. *Computers in Human Behavior*, *63*, 9–18. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.018>
- Clark, L. S. (2013). *The parent app: Understanding families in the digital age*. Oxford University Press.
- Creswell, J. W., & Creswell, J. D. (2018). *Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches* (5th ed.). SAGE Publications.
- Ghazaryan, L. (2024). Causes of internet addiction in the context of individual involvement in professional activity. *Bulletin of Yerevan University E: Philosophy, Psychology*, *15*(3), 80–87. <https://doi.org/10.46991/BYSU.E/2024.15.3.080>
- Ghazaryan, L. (2025). Comparative analysis of professional characteristics of internet addiction formation. *Bulletin of Yerevan University E: Philosophy, Psychology*, *16*(3), 91–101. <https://doi.org/10.46991/BYSU.E/2025.16.3.091>
- Gottman, J. M. (1994). *What predicts divorce? The relationship between marital processes and marital outcomes*. Lawrence Erlbaum Associates.
- Hertlein, K. M., & Blumer, M. L. (2013). *The couple and family technology framework: Intimate relationships in a digital age*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203083505>
- Kildare, S., & Middlemiss, W. (2017). Impact of parents mobile device use on parent-child interaction: A literature review. *Computers in Human Behavior*, *75*, 579–593. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.06.003>
- Kim, J., Lee, A., & Lee, S. (2017). The tendency of sexual abuse and problematic internet use in adolescents. *Journal of Youth Studies*, *20*(4), 112–125. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1225134>
- Kwon, M., Lee, J. Y., Won, W. Y., Park, J. W., Min, J. A., Hahn, C., & Kim, D. J. (2013). Development and validation of a smartphone addiction scale (SAS). *PLOS One*, *8*(2), Article e56936. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0056936>
- Livingstone, S., & Smith, P. K. (2014). Annual research review: Harms experienced by child users of online and mobile technologies. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, *55*(6), 635–654. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12197>
- McDaniel, B. T. (2019). Parent distraction with phones, reasons for use, and impacts on parenting and child outcomes: A review of the emerging research. *Human Behavior and Emerging Technologies*, *1*(2), 72–80. <https://doi.org/10.1002/hbe2.139>
- McDaniel, B. T., & Coyne, S. M. (2016). "Technoference": The interference of technology in couple relationships and implications for women's personal and relational well-being. *Psychology of*

- Popular Media Culture*, 5(1), 85–98. <https://doi.org/10.1037/ppm0000065>
- Palinkas, L. A., Horwitz, S. M., Green, C. A., Wisdom, J. P., Duan, N., & Hoagwood, K. (2015). Purposeful sampling for qualitative data collection and analysis in mixed method implementation research. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 42(5), 533–544. <https://doi.org/10.1007/s10488-013-0528-y>
- Park, N., & Lee, H. (2012). Social implications of smartphone use: Korean college students' smartphone use and psychological well-being. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 15(9), 491–497. <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0580>
- Poli, R. (2017). Internet addiction update: Diagnostic criteria, assessment and prevalence. *Neuropsychiatry*, 7(1), 4–8. <https://doi.org/10.4172/Neuropsychiatry.1000171>
- Robert, I. V. (2018). Metodologiya pedagogicheskogo issledovaniya [Methodology of pedagogical research]. *Nauka o cheloveke: Gumanitarnye issledovaniya*, 3(33), 85–97. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2018.33.85>
- Soldatova, G. U., & Rasskazova, E. I. (2014). Roditel'stvo v tsifrovom obshchestve: Preodolenie razryva pokoleniy [Parenthood in the digital society: Overcoming the generation gap]. *Voprosy psikhologii*, (5), 27–38.
- Tudorel, O., & Vintila, M. (2020). The family environment and problematic internet use: A review of the literature. *Journal of Family Therapy*, 42(3), 320–335. <https://doi.org/10.1111/1467-6427.12298>
- Turkle, S. (2011). *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other*. Basic Books.
- Turner, A. (2020). Smartphone addiction symptoms and frequencies among young adults. *Addiction Research & Theory*, 28(5), 405–412. <https://doi.org/10.1080/16066359.2019.1673641>
- Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Harvard University Press.
- Xie, X., Chen, W., Zhu, X., & He, D. (2021). Parents' technoference and children's smartphone addiction: The moderating role of gender. *Children and Youth Services Review*, 127, Article 106093. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2021.106093>
- Yin, R. K. (2018). *Case study research and applications: Design and methods* (6th ed.). SAGE Publications.

Received: 13.03.2026

Получено: 13.03.2026

Reviewed: 21.04.2026

Рассмотрено: 21.04.2026

Accepted: 05.05.2026

Принято: 05.05.2026

© The Author(s) 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Non Commercial 4.0 International License